

Красавец не мог сдержать слёз, хотя сам не понимал причины. Он чувствовал, что будущее туманно. Ханьский император считал, что он погиб в огне, но разве он сам не понимал, что произошло? При дворе вспыхнул переворот, и даже императорская гвардия больше не подчинялась императору. Если он сейчас вернётся, разве это не будет самоубийством?

Красавец плакал молча, с болью произнеся:

— Пойдём. Я не позволю тебе отправиться в мир иной одному.

Иэрдань, получив его обещание, немного успокоился, вытер слёзы и вместе с ним сел на коня, направляясь в город.

Когда они въехали в город, уже наступил вечер. На улицах зажглись белые фонари, толпы людей сновали туда-сюда. Хотя вся страна скорбела, город всё ещё был оживлён. Яркая луна висела высоко в небе. Иэрдань передал коня слуге и обратился к Красавцу:

— Любимая, покажи мне Лоян.

Красавец согласился. Это был его дом, место, где он родился и вырос. Впервые он почувствовал себя гостеприимным хозяином, ведя Иэрданя по улицам и переулкам. Он повёл его в лучший ресторан города «Пьяный гость», покатал на лодке, показал спектакль и повёл на ярмарку.

На ярмарке Иэрдань держал в руке маленькую фигурку из сахара, а на лице у него была зелёная маска с клыками. Он с восторгом наблюдал за актёрами, которые выступали на ходулях.

Музыканты били в медные гонги, а актёры в ярком гриме кувыркалились на ходулях, вызывая бурные аплодисменты. В шумной толпе Иэрдань тихо, с хрипотцой, сказал Красавцу:

— Завтра я лично провожу тебя.

Красавец смотрел на пёструю сцену, равнодушно облизывая сахарную фигурку.

Их фигурки были парой: у Иэрданя была Ткачиха, а у Красавца — Пастух.

Покидая ярмарку, Красавец повёл Иэрданя к старому слепому гадателю. Иэрдань с любопытством смотрел на чёрный сосуд с палочками и спросил, что это.

Красавец успокоил его:

— Это символ удачи. Если вытащишь палочку, завтра всё будет гладко и безопасно.

Иэрдань радостно вытащил палочку, а Красавец тоже потряс одну. У Красавца оказалась «нижняя нижняя» палочка, а у Иэрданя — «великое несчастье». Иэрдань не умел читать иероглифы и, глядя на два красных знака малой печати, спросил Красавца:

— Любимая, что это значит?

Красавец смотрел на два алых иероглифа, затем на худое, загорелое лицо Иэрданя. Его щёки были грубыми от степного ветра, но черты лица всё же оставались красивыми и выразительными. Глаза Иэрданя были похожи на глаза его отца — яркие, тёмные, с длинными ресницами и густыми бровями. Нос был высоким, губы тонкими. Если бы он был немного светлее, Красавцу он бы, возможно, нравился больше. Этот смуглый парень смотрел на

Красавца с глуповатым выражением, ожидая объяснения. Красавец почувствовал, как сердце сжалось от боли, и с трудом улыбнулся:

— Великая удача.

— Значит, всё будет хорошо?

— Да.

Красавец смог выдать лишь одно слово, и Иэрдань, радостный, повёл его обратно в гостиницу.

Они медленно шли вдоль реки Лошуй, где местные жители запускали белые фонарики, чтобы почтить память умерших. Фонарики плыли по течению, словно направляясь в небеса. Иэрдань заинтересовался, и Красавец объяснил ему традицию. Иэрдань захотел тоже запустить фонарик. Они купили два, и Иэрдань запустил один за своего отца. Оставшийся фонарик он предложил Красавцу:

— Любимая, запусти один за меня.

Красавец дрожал так сильно, что едва мог удержать фонарик. Иэрдань, казалось, уже смирился с судьбой. Он улыбался, словно оставляя последние слова:

— В это же время в следующем году ты тоже запустишь за меня, правда?

Красавец не выдержал и заплакал:

— Что ты говоришь?

Иэрдань отвернулся, выглядев решительным, и потребовал:

— Запусти. Я хочу видеть, как ты это делаешь, чтобы запомнить, как выглядит твой фонарик, и не потерять его.

Красавец беспомощно заплакал. Его сердце разрывалось от боли, и он никогда не чувствовал себя так плохо. Он, рыдая, обнял Иэрданя, выплёскивая всю свою боль и горечь. Почему всё должно быть так?

Он вернулся ради Ханьского императора, но почему за это должен погибнуть другой человек?

Он любил брата и не хотел, чтобы тот погиб из-за него. Но разве он должен смотреть, как умирает кто-то другой?

Иэрдань тоже плакал, тихо роняя слёзы. Ханьский дворец был чудовищем, пожирающим людей. Его жена чуть не сгорела в огне, и он хотел лично убедиться, что она вернётся к своему любимому человеку в безопасности.

Яркий лунный свет озарял текущие воды Лошуй, а фонарики, словно звёзды, плыли по течению. Лёгкий ветерок приносил шёпот, будто из другого мира.

Он отправится в небеса, чтобы быть с отцом.

В ту ночь они вернулись в гостиницу и провели страстную ночь. Как будто это был их последний ужин, Иэрдань гладил живот Красавца и умолял:

— Жун'эр, роди мне ребёнка.

Он тоже начал называть Красавца Жун'эр, как его брат. Иэрдань всегда завидовал Ханьскому императору, ведь Красавец раз за разом бежал в Центральные земли ради него. Теперь, ради императора, он сам готов был отдать жизнь. Если бы нужно было выбрать, кто самый ненавистный, это был бы Ханьский император. Этот трусливый ублюдок, почему он не сгорел в том дворцовом пожаре? Почему он не погиб от рук своих же подданных?

Ханьский император теперь был почти марионеткой. Двор разделился на две фракции, и он больше не контролировал свою гвардию. Его жизнь теперь была в руках гвардии. Если бы не генерал, который оставил его в живых для борьбы с фракцией принца, он уже давно был бы мёртв. После смерти Чжао Жуна император окончательно сошёл с ума. Он не мог принять, что его брат и ребёнок погибли в огне. Придя в себя, он перебил всех слуг, и его покои превратились в реку крови. Трупы слуг лежали повсюду, отрубленные руки и ноги, зловоние было невыносимым. Западный дворец стал настоящим домом призраков, и никто не смел приближаться к императору, кроме нищего, которого он подобрал. Этот человек из благодарности каждый день рисковал жизнью, чтобы принести ему еду. Генерал боялся его, но был вынужден оставить в живых, добавляя в его лекарства разные вещества, надеясь, что он сойдёт с ума окончательно.

Красавец с грустью обнял вспотевшую голову Иэрданя, нежно целуя его опухшие от слёз глаза, и утешал:

— Не бойся, я не позволю брату причинить тебе вред.

Иэрдань дрожал в его объятиях. Страх перед смертью наконец накрыл его. Он хорошо понимал ситуацию в Ханьском дворце и никогда не питал иллюзий. Он был ещё молод, и тоска по отцу и преданность Яньчжи завели его на путь без возврата. Он обнял Красавца и умолял:

— Роди мне ребёнка.

Красавец заплакал, и слёзы упали на его губы. Иэрдань поцеловал их, и Красавец согласился:

— Хорошо.

Иэрдань был удовлетворён и, обняв его, устало сказал:

— Спи, Яньчжи. Я обеспечу тебе безопасное возвращение к брату.

Красавец, обнимаемый им, впервые почувствовал покой и безопасность, как в объятиях Ивэйсе.

В ту ночь Красавец увидел сон об Ивэйсе. Этот мужчина умер много лет назад, и Красавец редко видел его во сне. Но в эту ночь он ясно увидел его фигуру.

Ивэйсе сидел с ним у костра, выглядев так же, как и раньше, с бородой и широкой улыбкой. Ивэйсе с восхищением смотрел на юношу, который танцевал с мечом у костра. Юноше было около десяти лет, он был ловким и сильным, его меч двигался с невероятной скоростью. Ивэйсе аплодировал, и окружающие, казалось, тоже хлопали, но всё было тихо и бесцветно. Ивэйсе подошёл к юноше и крепко обнял его, хлопая по спине и смеясь:

— Иэрдань!

Иэрдань тоже обнял своего отца, с тоской и радостью воскликнув:

— Отец...

Перед тем как проснуться, Красавец увидел, как Ивэйсе закрывает его от стрелы. Лицо мужчины было бледным и покрытым пятнами, а стрела пронзила его правое лёгкое. Он выглядел так, будто умер много лет назад, но в то же время только что погиб ради него. Его губы слегка дрожали, произнося знакомые нежные слова:

— Яньчжи...

Красавец проснулся от кошмара и увидел, что Иэрдань уже одет в одежду слуги Ханьского дворца. Он стоял у окна, за которым шёл холодный дождь, и, обернувшись, сказал:

<http://bllate.org/book/16253/1462247>